

здесь речь идет о совершенно особом историческом образе, чем на американизированном Западе, где фигуры прошлого измеряются мериллом нынешнего общества потребления, а о каждом историческом решении, которое можно считать неподходящим, исходя из учета современных настроений, судят непримиримо.

Девушки, розы и история

«Девушки, розы и договоры расцветают только в свое время» — говаривал Шарль де Голль в 1950-е гг. Хотя сейчас мы, понимаем суть дела лучше, выражение, однако, подходит для исторической парадигмы. То, что когда-то было красивым в объяснении истории, в новых условиях утратило свое очарование. Линия Паасикиви являлась когда-то талантливой политикой, с помощью которой была спасена Финляндия. В свое время Юхо Кусти мучительно пришел к тому выводу, что у России нет иных постоянных интересов в Финляндии, кроме гарантий собственной безопасности. Это не предполагало неизбежности захвата Финляндии, т. к. вопрос мог быть разрешен иными способами. Проблема была в том, чтобы верил Кремль. Со dna пропасти наблюдавшему Паасикиви и руководимой им Финляндии этот новый взгляд предлагал, во всяком случае, надежду на спасение, и за него энергично ухватились. Путь к спасению шел под забором, и по нему нужно было идти, распластавшись и измазавшись, но в самом главном ждал успех, и это было исключительное достижение, именно благое достижение, хотя стиль, в силу обстоятельств, не всегда мог соответствовать возвышенным нормам минувших столетий. Время было такое.

Та история, которая соответствовала и требовалась для этой линии, была совершенно особого рода. Сталинский Советский Союз обладал в ней привлекательными чертами и постепенно превратился в корректного соседа, у которого имелись те же самые легитимные интересы, что и у других государств. Ролью Финляндии отнюдь не стало разделять политику соседа, ни в области прав человека, ни во внутренней политике; необходимым было только признание, что на них нельзя ни оказывать влияние, ни запугивать демонстрациями, чтобы добиться своего. Эрозия доверия могла означать утрату всего. Много ошибок можно найти в прошлом.

В парадигме Паасикиви было очарование свежести и красота логики. Ее апогеем были 1960-1970-е гг., когда стали рассматривать

войну 1918 г., Зимнюю войну и войну-продолжение как начатые по вине финнов. Это было противоядием для той разъединенной ненавистью души, которая заклеивала, оставаясь на заднем плане, более ранние оценки роли Советского Союза в судьбоносные времена Финляндии. Вина за несчастья всегда спихивалась на соседа, и бревно в собственном глазу оставалось незамеченным. Взгляд был свежим и многое объясняющим, хотя он не был вполне доказательным и разделялся не всеми. Но так всегда с парадигмами. Они никогда не являются достаточно доказательными и не покрывают весь спектр действительности. В весну своей жизни они, однако, очаровывают своей свежестью и новой силой.

Историческая парадигма — некий общий каркас, в котором могут уместиться все приемлемые объяснения. Его можно несколько грубо сравнить с конторой по обмену валюты, т. к. в ней обмен происходит в известных пределах, но ценность валюты всегда остается позитивной. Причитающиеся суммы не могут обратиться в долг, для этого требуется иная система координат.

В собственных границах любая парадигма может послужить как плохому, так и хорошему исследованию. В советское время русские и, например, эстонские исследователи могли делать совершенно безупречные исследования по своим темам, если они были достаточно узкими и их можно было оценить в соответствии с нормальными объективными критериями. В Советском Союзе даже частичный выход за рамки парадигмы был запрещен, и каждый уважающий себя исследователь выбирал те проблемы, при исследовании которых результаты не могли затронуть запретную территорию, а он сам — оказаться объектом политического преследования.

В Финляндии и тогда можно было выходить за рамки парадигмы. Только за этим редко следует даже ругань, на которую не всегда нужно обращать внимание. Но выход из рамок парадигмы означает, что ты оказываешься вне пределов нормальной серьезной науки. Это редкое явление. Кауко Каре¹ и Тууре Юннила² остались в маргиналах. После краха Советского Союза их не считают героями, но в спину им и их коллегам повсюду в Европе бурчат: *You were wrong to be right*. В определенном смысле в этом кроется зерно истины.

¹ Кауко Атос Каре (1914–1996) — финский журналист, писатель, переводчик.

² Тууре Юннила (1910–1999) — известный финский консервативный политик, постоянный оппонент президента Кекконена.

Касающиеся общей природы Советского Союза фоновые предположения являются хорошим примером парадигмы, которая основательно изменилась и которая, как общий критерий, стремится оказывать воздействие также на постановку и объяснение конкретных отдельных вопросов. Слом парадигмы произошел при известных обстоятельствах. На Западе «Архипелаг ГУЛАГ» Солженицына, когда его опубликовали в 1973 г., потряс и перевернул мир. И это несмотря на то, что в книге не было ничего нового. Как констатировал Тони Джадт в прославившейся книге *Postwar*, выбор времени определил все. Заявление Советского Союза о том, что он обладает мандатом Истории, в любом случае теперь утрачивало доверие к себе. Речь шла уже не об «ошибках» или «искривлении», но обо всей системе. Даже во Франции теперь стало возможным критиковать Советский Союз без опасений быть обвиненным в том, что выступаешь против Прогресса в целом. «Архипелаг ГУЛАГ» был, правда, лишь началом пути. Своей вершины этот процесс достиг в «Черной книге коммунизма», которая была опубликована в 1997 г. И в Финляндии развитие было разновременным, и, как мы знаем, чисто советский коммунизм чествовался в кругах интеллигенции как великий победитель именно в то время, когда вышел «Архипелаг ГУЛАГ». У нас он не пошатнул общей парадигмы о природе советского коммунизма. И это вызывает некоторое удивление.

Крушение Советского Союза заставило, однако, переоценить все основы прежней парадигмы. У системы, которая бесславно рухнула, проклинаяемая собственным народом, не могло быть мандата Истории. Российская историография, которая более половины столетия была сосредоточена на рассказе о том, кому принадлежит заслуга в рождении и развитии советской системы, должна была теперь объяснить, кто был виновен в этом и кто все же пытался воспрепятствовать ее осуществлению. Весьма показательным, что когда пару лет назад в огромном телевизионном проекте «Имя России» выбирали личность, символизирующую Россию, то святой и победитель западных интервентов Александр Невский стал первым, тогда как вторым оказался Петр Столыпин, довольно недолго занимавший пост премьер-министра, самой большой заслугой которого было жестокое подавление революционного движения. Хотя удача ему и не сопутствовала, он все же делал все, что мог.

Смена парадигмы в случае с Россией произошла из-за внеисторических обстоятельств. Это, однако, еще не означало переоценку всего. Эта работа должна быть осуществлена в каждом деле особо.

Ситуация осложняется тем, что коммунистический период охватывает также военное время, когда Россия спаслась от того, чтобы быть уничтоженной нацистской Германией. Так как страной руководили коммунисты, честь за это, по крайней мере частично, достается им, если невозможно убедительно доказать, что победы достигли скорее несмотря на них, чем благодаря им. Те огромные потери, которые были понесены в войне, на первый взгляд могут быть отнесены на счет противника, а ответственность за дела коммунистов еще предстоит выяснить, прежде чем у них можно будет отобрать честь.

Можно удивляться, как легко первоначально приобретенный из прагматической парадигмы Паасикиви образ Советского Союза как «обычного» государства со всеми нормальными интересами великой державы в свое время развился в Финляндии в образ дружественного знаменосца гуманизма, который и муху не убьет. У нас, обольщенных новизной дела, начали искать виновников наших войн среди нас самих. Их и нашли: студенческое общество (Академическое карельское общество) было слишком громкоголосым. Оно реагировало на геноцид спокойными маршами мимо советского посольства. Хуже было то, что оно вообразило, что у Финляндии есть обязательства и просто права в отношении Восточной Карелии. Ленин в свое время, тогда, когда это ему подходило, раздул неистовый фанатизм самоопределения во всей Российской империи. Финляндия и Карелия отнюдь не были исключением. Но в новых условиях прежняя программа превратилась в преступление, заслуживавшее смертного приговора, который щедро выносили в Карельской автономной советской республике. Во времена Кекконена у нас хватало тех, кто обвинял Финляндию в слишком дружественной политике в отношении Германии в 1930-е гг. А ведь у нас не было прогерманской направленности внешней политики, скорее напротив. Но, «желаем мы этого или нет», на нашу голову легла «тень Германии», как сформулировал это Кекконен. То, что на нас и так лежит более мрачная тень сталинского Советского Союза, — совершенно его не интересовало. Советскому Союзу придавалось то величие, на которое мы не могли повлиять, его доверие следовало заслужить именно таким образом, каким он сам желал. Интересно, что у нас совершенно серьезно считали, что постройка подводных лодок в сотрудничестве с немцами в начале 1930-х гг. сильноотяготила бы наши отношения с Советским Союзом. В то же самое время в России с помощью немцев строились подводные лодки и про-

водились испытания самолетов и газов. Сталин отказался от прогерманской ориентации только в 1934 г. и, «скрежеща зубами», как доказал в свое время Олли Вехвиляйнен.

В России, как было сказано, старая парадигма сломана, а новая только рождается. Своеобразием ситуации является то, что тираны советского времени были в фаворе в то же самое время, что и их архивраги. Во Франции ситуация была в свое время до некоторой степени схожей: все, что относилось к истории Великой нации, уже в силу этого приобретало печать святости. Великая Французская революция и все, что за ней последовало, почиталось вместе с Наполеоном, Наполеоном III и Бурбонами. Великая нация была, во всяком случае, в передовых частях торжественного марша прогресса в истории человечества.

Путин действует по образцу, доказывая, что в истории всех народов есть досадные дела, но, несмотря на это, эти народы пользуются высоким уважением. В 1989 г. Великая Французская революция, как и революция в России, отчасти утратила свой блеск. Франсуа Фуре провел в этом отношении большую работу, но, в конце концов, завершение так называемого модерн-проекта, разумеется, не зависело от одного человека или от одного государства, хотя Россия в этом отношении, пожалуй, сыграла ключевую роль. Судьба коммунизма в России имела огромное влияние и при пересмотре французской истории.

Власть в России пытается, таким образом, сохранить из большевистского наследия себя как выразителя интересов государства, хотя при этом признает крушение всей советской идеологии. Исследователи и другие свободные мыслители, разумеется, идут гораздо дальше в своих переоценках. Александр Яковлев, архитектор перестройки и член Политбюро, не оставил камня на камне в оценке советской системы. Для него она была созданием воспользовавшихся люмпен-пролетариатом безответственных фанатиков, на самом деле Россию захватила шайка разбойников, которые держали ее в заложниках, как сформулировал свою позицию видный пионер перестройки историк Юрий Афанасьев.

На международном уровне прежняя советская парадигма стала темой для отделившихся от Советского Союза республик и других зависимых территорий. Их исторический опыт совершенно иной, чем предполагала советская или англо-саксонская точка зрения. Это связано с тем, что они во Второй мировой войне оказались по очереди под катком двух тоталитарных государств. Советская власть, с их точки зрения, была не лучше, чем господство нацистов.

Оба тоталитарных государства убивали граждан этих стран массами, не придавая их национальным интересам никакой ценности. Тимоти Снайдер в своем впечатляющем ревизионистском исследовании *Bloodlands* собрал сведения, которые ранее существовали разрозненно, и очень четко показал, что производимые по национальному признаку массовые убийства не были только нацистскими преступлениями. До войны советские коммунисты осуществляли их в более крупных масштабах, чем Гитлер. Потом, конечно, Гитлер их догнал и перегнал.

Нам хорошо известно, что финнов ликвидировали по национальным основаниям, хотя это и делалось без большого шума. Это не коснулось буржуазной Финляндии, в которой от гибели, можно считать, спаслись сотни две тысяч человек только по той причине, что правительство Куусинена не добралось до Хельсинки. Разумеется, в данном случае не учитываются те жертвы, которые были бы, если бы армии Гитлера и Сталина прокатились по нашей стране дважды. Количество этих жертв можно было бы определить в 10–15 % от количества населения, т. е. — 300 000–450 000 человек. То, что количество жертв за всю Вторую мировую войну у нас достигло 100 000 человек и почти все это были солдаты, является ценным капиталом, сделавшим возможным наши хорошие отношения с Россией (это, разумеется, на так называемом средневропейском фоне). Сохранение обособленности наших народов также спасло нас от тех напряженных противоречий, которые отравляют отношения государств Балтии с Россией. Можно только представить, что могло бы означать переселение миллиона русских в Финляндию после войны. Это все следует учитывать на фоне того, что лично я считаю русских более симпатичными, чем финны. Дело не в этом. Можно также представить, что означало бы переселение в нашу страну миллиона французов.

Прежние парадигмы увядают. Уже трудно найти из низкопоклонства какую-то прелесть в сталинских творениях 1930-х гг. В России такое вызывает только скептическое презрение. Это касается тех нормальных научных кругов, которые я знаю. Другое дело, что там также под фалдами настоящих исследователей мобилизуются свежие силы, потребность в которых связана со службой всей истории великой родины, сравнимой с нашим тайстоизмом 1970-х гг. Тогда же бросание мозгов в лавку старьевщика восхвалялось как высоко символический труд веры. После этого «Краткий курс истории ВКП(б)» и основы марксизма-ленинизма начинают, кажется, вызывать очарование.

В Финляндии нет явной потребности в ревизии большой истории, когда дело касается ее отношений с Советским Союзом. Многие книги, которые написаны также без учета природы соседа, заслуживают, однако, того, чтобы быть переоцененными с учетом того, что мы знаем о сталинизме. Так же обстоит дело и у соседа.

Lunatic Fringe¹ и бренд «Финляндия»

Как известно, Россия учредила за рубежом пару бюро, в которых исследуются практическое применение демократии в стране пребывания и недостатки ее власти. Эти бюро находятся в Париже и в Вашингтоне.

Разумеется, речь шла о контрударе суверенной демократии американцам и другим западным критикам, которые касались ситуации с демократией в России.

Если бревна есть в глазу у американцев и у других, зачем тогда ковыряться в российских недостатках, когда они не худшие в мире?

Вопрос сам по себе обоснованный. Боюсь, однако, что здесь речь идет не о новом триумфе критического духа российской интеллигенции, а о циничном шаге пользующейся дурной славой российской власти, который отражает не веру в вечные ценности, а полное безразличие к ним.

В России уже давно заметили, что в демократии требуется активная деятельность, реклама, PR и вообще публичность. В результате, в них стали вкладывать средства. Со стороны государства их использование, в конце концов, оказалось настолько мощным, что для активности самих граждан осталось немногим больше пространства, чем во времена Советского Союза.

В Советском Союзе в обычае было не спрашивать у народа больше, чем у ученых, что правильно, а что нет. Правильным было то, что, по мнению политического руководства, способствовало делу. Иного быть не могло, т. к. ничего не было выше святого дела коммунизма, представлявшего закономерный прогресс мировой истории. Могли высказывать озабоченность тем, что «все честные люди в мире» осуждают врага Советского Союза и рабочего класса Маннергейма и его приспешников, которые спровоцировали войну против Советского Союза. Могли и утверждать,

¹ Буквально: сумасшедший. Здесь — чокнутое, зарвавшееся крыло политического движения.